

ства. В трактате же речь идет о людях, обязанных пребывать рядом с лагерем врагов в том месте, где он располагается (οἱ ὀφειλοντες παραμενειν τῷ τῶν πολεμίων φασόστῳ, ἐν ᾧ τότῳ αὐλλῶσονται)³. Именно они, судя по контексту, должны осуществлять наблюдение.

Оба текста источников, как уже было отмечено, сопровождаются подробными комментариями, которые касаются военных реалий, просопографии, этнонимии и многих других терминологических аспектов. Значение приведенной информации выходит далеко за рамки обычных пояснений. Комментарии превращены в основательный обзор всей полемологической традиции Византии, как с точки зрения теории, так и практики.

Разумеется, не все представленные автором рецензируемой публикации выводы и наблюдения можно принять в качестве абсолютно бесспорных. Так, к примеру, рассуждение об основном содержании трактата “De velitatione bellica”, связанное с поиском наиболее адекватного наименования, не учитывает тех реалий, на которые обратил внимание Ж. Дагрон. Нет сомнения в том, что элемент сопровождения, как один из способов боевых действий, исключительно важен для раскрытия смысла сочинения и, по сути, является ключевым. Однако, исходя из всего контекста источника, представляется не лишним оснований и вариант французского историка: “Le traité sur la guérilla”. Действительно, это наименование страдает описательностью, но все же указывает на сердцевину метода борьбы, который рекомендован сочинителем трактата полководцам. Речь идет о засадах, внезапных дневных и ночных нападениях на небольшие подразделения противника, о захвате обоза, т.е. по существу о партизанских действиях. Полагаю, не лишним было бы более подробное рассмотрение сюжета о понятии “христолюбивое воинство” и его связи с теорией “священной войны”. Насколько сложными и различными были в этом отношении позиции политиков, военных мыслителей и православных богословов, явствует из исследования А. Колья-Дермицаки⁴.

Завершая обзор рецензируемой работы, считаю необходимым отметить, что гармоничное сочетание текстов трактатов с необходимой источниковедческой и военно-исторической информацией и с детально отшлифованными комментариями делает труд В.В. Кучмы образцом публикации переводов. Не сомневаюсь, что книга значительно оживит не только научный, но и общественный интерес к изучению военной истории Византии.

Н.Д. Барабанов

К а р п о в С. П. Средневековый Понт. [Российские исследования по мировой истории и культуре / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. Т. 15]. Lewiston; Queenston; Lampeter: “The Edwin Mellen Press”, 2001. 461 с.

Новая книга С.П. Карпова посвящена историческим судьбам Черноморского региона и по преимуществу истории Трапезундской империи, разработке которой автор посвятил в общей сложности более сотни статей и несколько монографий¹. Книга состоит из 17 глав-очерков. Одни из глав публикуются впервые – среди прочих, новые разработ-

³ Three Byzantine Military Treatises / Ed. G.T. Dennis. Washington, 1985. P. 198.

⁴ *Κόλια-Δερμιτζάκη Α. Βυζαντινός ιερός πόλεμος. Η έννοια και η προβολή του θρησκευτικού πολέμου στο Βυζάντιο. Αθήνα, 1991.*

¹ Например: “Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв.” М., 1981, существенно пересмотренная и дополненная в итальянском ее переводе: *L’impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204–1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali.* Roma, 1986. Для истории Трапезундской империи важны и другие монографии автора, посвященные смежным или более общим темам: *Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли.* М., 1990; *Он же. Путиями средневековых мореходов.* М., 1994 (итальянский перевод: *La Navigazione Veneziana nel Mar Nero XIII–XV sec.* Ravenna, 2000); *Он же. Латинская Романия.* СПб., 2000. Полного опубликованного списка статей С.П. Карпова по истории Трапезундской империи не существует. Часть работ, изданных до 1987 г., см.: *Savvides A.G.K., Lampakes S. Γενική βιβλιογραφία περί του Βυζαντινού Πόντου και του κράτους τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν τῆς Τραπεζούντας.* Athena, 1992.

ки по истории Понта в древности и по византийско-трапезундским отношениям (см. ниже); другие являются значительно обновленными и расширенными вариантами уже изданных работ (некоторые вышли на иностранных языках в труднодоступных изданиях и представлены в авторизованном русском переводе).

В центре внимания автора находятся те территории, которые входили в состав Трапезундской империи в XIII–XV вв. – сам город Трапезунд и прибрежный регион от Ираклии и до реки Акампис. Понтийский регион, однако, включается в широкий историко-географический контекст, охватывающий Северное Причерноморье, Кавказ, Малую Азию, а временами распространяющийся и на Балканы, Русь, Западную Европу, Ближний и Средний Восток. Это концентрическое расширение горизонтов исследования знаменует характерную черту исследовательского подхода автора, хорошо известного по его прежним работам.

Глава 1 содержит первое в отечественной историографии систематическое описание истории Южного Причерноморья со времен греческой колонизации и до начала XIII в. и начинается с географического и климатического описания Понтийского региона (с. 5–10). Этот казался бы традиционный сюжет автор развивает в оригинальной и чрезвычайно увлекательной манере, насыщая текст многочисленными примерами из античных и средневековых источников. Опираясь на источниковый материал и научную географическую литературу, автор мастерски демонстрирует историческую значимость климата, рельефа, стихийных бедствий, системы речных и сухопутных дорог, господствующих течений и ветров на море.

Вторая и большая часть главы посвящена истории региона до 1204 г. Начиная с греческой колонизации и основания греческими переселенцами главных городских центров в Южном Причерноморье (с. 11–14), автор излагает историю региона в классическую и эллинистическую эпохи (с. 16–20), синтезируя те отрывочные и неполные данные, которые дошли до нас. Много больше известно о судьбах региона в римское время, в первую очередь в силу того, что Понт оказался центром Понтийской державы, основанной Митридатом Ктисом, эллинизированным персом. Как указывает автор, именно в рамках Понтийского государства в эту эпоху естественное экономическое и географическое единство южного и северного берегов Черного моря впервые получает политическое оформление. Эти естественные географические, экономические, культурные связи будут играть все возрастающую роль в дальнейших судьбах региона (с. 18–19). Причины поражения Митридата VI в борьбе с Римом в I в. до н.э. автор усматривает, в частности, в его “отказе от идеи создания собственно Понтийской державы” в пользу эфемерных планов восстановления универсальной Ахеменидской империи (с. 23, 33–34).

Во II–III вв. н.э. города Южного Причерноморья под римским владычеством испытывают хозяйственный подъем (с. 28–30). В последующие столетия Понт оказывается объектом вражеских нашествий: с севера – варваров из Северного Причерноморья (готов, боранов – племени скорее всего сарматского происхождения), с юга – иранских Сасанидов, что значительно повышает военно-стратегическое значение региона (с. 30–32).

В византийскую эпоху, в особенности в эпоху Юстиниана I, роль Понта как ключевого военно-стратегического оплота только усиливается. С одной стороны, регион играл роль оборонительной твердыни на пути иранцев в Армению, Лазию и Северную и Центральную Анатолию, с другой стороны, нередко выполнял функцию основной базы для завоевательных походов византийцев на Кавказе и в Армении. Дается детальный очерк эволюции административного устройства региона в связи с военной и социальной историей империи в IV–XII вв., роли региона в экономической и церковной жизни (с. 34–46).

В конце XI в. в Трапезунде наблюдается упадок, связанный с тюркскими завоеваниями и общей экономической и политической дезорганизацией византийской власти в Анатолии. Как показывает автор, именно с этого времени, а в особенности в XII в., впервые формируется региональный понтийский сепаратизм, признаки которого не наблюдаются в предшествующие эпохи. Автор связывает рост сепаратистских тенденций со следующими четырьмя факторами: 1) неспособностью центрального правительства защитить регион; 2) усилением влияния местной знати, 3) ростом экономической мощи портовых городов; 4) наличием развитой оборонительной системы, опиравшейся на местные отряды (с. 48).

Это наблюдение представляется весьма важным, и я склонен его даже несколько обострить, ограничиваясь лишь кратким замечанием, которое можно было бы развить и верифицировать на конкретных данных источников, но не в ограниченных рамках рецензии. Дело в том, что в историографии понтийский сепаратизм зачастую рассматривается как некая субстанциональная черта в социальной жизни региона, определявшая всю его историю начиная с эпохи Понтийского царства; для византийского времени сепаратизм часто связывали с “феодализирующими” и “центробежными” тенденциями, якобы издавна нараставшими на этой территории, как и повсюду в Византии². Вместе с тем, как ясно видно из скрупулезно собранного С.П. Карповым материала, сепаратистские тенденции на Понте в XII в. носили скорее ситуативный характер, в полной мере обусловленный особенностью внутривосточной ситуации в империи в период тюркского нашествия – сепаратизм был естественной реакцией на бессилие власти защитить регион от внешней угрозы. Другие факторы – экономическая мощь портовых городов (она наличествовала и в прежние эпохи), рост влияния местной знати (о ее особом, отличном от предыдущих эпох усилении к XI в. вряд ли можно говорить), наличие развитой оборонительной системы (она и прежде не была слабой) – играют второстепенную роль, ибо принадлежат как раз к тем константам, которые действовали большую часть истории региона, но сами по себе не порождали децентрализаторских тенденции. Как представляется, расцвет сепаратизма на Понте в XII в. не являлся следствием каких-то социо-культурных особенностей этого региона или же итогом неких “центробежных” “феодализирующих” процессов, но лишь закономерной реакцией на сложившуюся военно-политическую конъюнктуру, которая была каталогизирована перечисленными факторами.

Далее С.П. Карпов дает оригинальную картину военно-политической борьбы в регионе между различными византийско-тюркскими группировками (полунезависимые правители Трапезунда, византийские императоры, сельджуки, тюрки Данишмандов) (с. 48–56).

Глава 2 посвящена образованию Трапезундской империи³. Автор дает наиболее полный на данный момент разбор точек зрения в историографии по проблемам, связанным с образованием Трапезундской империи (с. 85–94). История Понтийского региона с 1204 и по начало 1215 г. излагается с исчерпывающей полнотой и учетом новых данных, собранных наукой за последние годы. Автор подробно обсуждает роль Грузии в образовании империи, детально прослеживает ход войн понтийцев против никейцев и сельджуков, роль латинян Константинополя в трапезундско-никейском соперничестве. Впервые в историографии делается попытка уточнить дату вступления Алексея I, основателя Трапезундской империи, в Трапезунд в 1204 г. По убедительному предположению автора, опирающегося на анализ до сих пор малоизвестной печати Алексея I, это могло произойти либо 23, либо 25 апреля (с. 110).

Глава 3 “Трапезундская империя и Византия” представляет собой наиболее полный в современной историографии очерк взаимоотношений между двумя греческими государствами. Впервые дается подробный разбор синодальной грамоты о привилегиях Трапезундской митрополии (1 января 1260 г.). Как показывает автор, синодальная грамота, отступая от общепринятой в ту эпоху практики, даровала трапезундскому митрополиту право избираться на соборе местных архиереев и не являться в Константинополь лично для хиротонии патриархом; патриарх отказывался от обычной процедуры выбора им одного из трех кандидатов, выдвинутых местным епархиальным собором. Вместе с тем никейский патриарх Никифор II хоть значительно и расширил права Трапезундской митрополии, но, однако, решительно противостоял всякой возможности превращения Трапезунда в центр автокефальной церкви по примеру Болгарии и Сербии (с. 129–131). Ав-

² См., например: *Успенский Ф.* Выделение Трапезунда из состава Византийской империи // SK. Т. I. 1927. С. 21–34; *Bryer A.A.M.* Greeks and Turkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. (= *Idem.* The Empire of Trebizond and the Pontos // Collected Studies Series. L., 1980. V). P. 115–116.

³ Отдельное издание: *Карпов С.П.* Основание Трапезундской империи (1204–1215 гг.) // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 5–29.

тор убедительно демонстрирует, что упомянутая синодальная грамота являлась лишь одним, хотя и немаловажным, элементом предпринятых Михаилом VIII Палеологом усилий по восстановлению престижа сначала Никейской, а после 1261 г. и восстановленной Византийской империи (с. 129–131). Несмотря на охлаждение византийско-трапезундских отношений в период действия Лионской унии (1274 г. и до начала 1280-х годов), усилия Михаила VIII, в конце концов, увенчались успехом, когда трапезундский император Иоанн II отказался от византийского императорского титула в 1282 г. (с. 135–137). С урегулированием отношений между обоими государствами у Византии появились реальные рычаги влияния на внутреннюю политику Трапезундского государства, однако попытки Византии манипулировать трапезундскими василевсами в конце XIII – начале XIV в. терпели неудачу (с. 137–138). Далее автор подробно анализирует роль Константинополя в разразившейся в 1340 г. в Трапезундской империи гражданской войне: Константинополь не единожды пытался вмешаться во внутреннюю борьбу в империи, находя общий язык с теми или иными политическими группировками, которые сами нередко обращались за помощью к Византии (с. 139–146). С середины XIV в., несмотря на редкие и незначительные конфликты в политической и церковной сфере, отношения между обоими греческими империями можно характеризовать как дружественные. Общая османская угроза еще более сближает Константинополь и Трапезунд (с. 145–157), однако в целом малозначительные трения помешали оформиться антиосманскому союзу между Палеологами и Великими Комнинами в середине XV в. Автор дает наиболее полное и убедительное в историографии описание взаимоотношений Константинопольского патриархата и Трапезундской митрополии, отмечая рост престижа и влияния последней в церковной жизни с конца XIV в. (с. 151–152). Глава завершается исследованием связей между Трапезундом и Афоном в XIII–XV вв., в котором автор привлекает чрезвычайно широкий круг источников от письменных до изобразительного искусства и материальных памятников. Трапезунд поддерживал весьма тесные отношения со Святой горой – сам Афанасий Афонский, основатель первого общежительного монастыря лавры на Афоне, происходил из Трапезунда, а в 1374 г. на Афоне был основан трапезундский монастырь Дионисиат (с. 157–163).

Глава 4 “Трапезундская империя и русские земли” представляет собою в некотором смысле развитие темы церковной истории Трапезунда, завершавшей предыдущий раздел. И это не случайно – центральное место в сообщениях источников о трапезундско-русских связях занимали церковные дела: посещения трапезундскими митрополитами Феогностом (1388) и Феодулом (1407), реакция на Ферраро-Флорентийский собор. С.П. Карпов впервые в историографии дает систематический анализ торговых и культурных связей между Понтом и Русью, исследует обнаруженные им сообщения о Трапезунде в русской средневековой литературе (с. 179–194).

Глава 5 тематически и фактически представляет собой обновленный и расширенный очерк культуры Трапезундской империи, публиковавшийся ранее в коллективной монографии “Культура Византии” (1991)⁴ и являющийся единственным в мировой историографии систематическим анализом культурной истории Понта в XIII–XV вв. В новую версию добавлены разделы по энкомиям и экфрасисам Трапезунду (с. 195–196), прикладному искусству Трапезунда (в частности атрибуция креста-реликвария из Notre Dame de Paris, который по острожному предположению автора, мог принадлежать Мануилу I Великому Комнину, с. 205–206), естественно-научной школе в Трапезунде (с. 230), яркий сюжет по понтийским церковным и народным празднествам (с. 234–236) и др.

Главы с 6 по 10 посвящены трапезундско-итальянским политическим и торговым взаимоотношениям в XIII–XV вв. Как показывает С.П. Карпов, активность итальянских торговцев на Черном море не привела к “деградации торгово-ремесленного слоя Трапезундского государства” и «в трапезундском варианте трудно говорить о “засилии” чужеземцев и “пагубном воздействии” итальянской колонизации» (с. 259–260 в гл. 6). Напротив, коммерции, взимавшиеся императорской казной с торговцев, в частности с генуэз-

⁴ Карпов С.П. Культура Трапезундской империи // Культура Византии. Т. 3. М., 1991. С. 86–119.

цев и венецианцев, вероятно, составляли заметную долю доходной части трапезундского бюджета (с. 263–273, гл. 7). Идею скорее позитивного, чем негативного, влияния на трапезундскую экономику итальянского присутствия автор развивает и в вопросе о привилегиях Генуи и Венеции, дарованных трапезундскими императорами: торговые привилегии лишь гарантировали прибыльность и безопасность торговли, но никак не обеспечивали установление итальянской торговой монополии в регионе; в отличие от Константинополя Трапезунд жестко контролировал деятельность итальянцев на собственной территории (с. 275–288, гл. 8). Следующие главы посвящены венецианско-трапезундскому конфликту в 1374–1376 гг., где С.П. Карпов анализирует открытые им сведения о венецианско-трапезундском договоре 1376 г. (гл. 9, с. 289–302), деятельность Гирардо ди Сан-Дonato – самого раннего из известных генуэзских нотариусов в Трапезунде (с. 303–308).

Особое место занимает глава 11, в которой делается попытка провести типологическое сравнение локальных кризисов середины XIV в. в Италии, Византии, Причерноморье, на Востоке. По мнению автора, эпицентр социально-политического и экономического кризиса приходился на Причерноморье, Латинскую Романию и Византию, что, возможно, и предопределило скорое падение греческих империй и коренную переструктуриацию там традиционных социальных, политических и экономических форм (с. 309–326). Одним из общепризнанных итогов кризиса середины XIV в. стало нарушение торговых связей между Европой и Китаем. Вместе с тем ниже в главе 14 (с. 363–371) С.П. Карпов приводит данные о продолжении торговых сношений между Таной и Средней Азией во второй половине XIV в., что заставляет корректировать представления о полном “закрытии” торговли со Средней Азией в эту эпоху.

Главы 12–17 (с. 327–426) посвящены истории Северного Причерноморья, присутствию там итальянцев, основанию и истории Таны, этническому и конфессиональному составу населения итальянских факторий. Они насыщены публикациями и переводами уникальных источников из итальянских архивов. Особую важность и новаторский характер можно отметить по исследованию по истории Таны в главах 13–17, которые в совокупности представляют собой солидную основу для отдельной монографии по истории города.

Рецензируемая книга дает яркое представление о научных интересах и достижениях С.П. Карпова за последние годы, демонстрирует широкий тематический и методологический горизонт его исследований, бережное до скрупулезности отношение к историческому факту, и вместе с тем – стремление к концептуальным обобщениям в области социальной, экономической и культурной истории. Автор мастерски оперирует интерпретационными техниками вспомогательных исторических дисциплин (эпиграфика, нумизматика, сфрагистика, кодикология, текстология и т.д.). Несомненным достоинством исследования как раз и является его методическая широта, приверженность высокому профессионализму даже в решении побочных вопросов, нацеленность на исчерпывающее привлечение источникового и историографического материала по затрагиваемым темам. Автор всегда осторожен с обобщающим выводом, верифицируя его в разных плоскостях восстанавливаемой им исторической реальности. Именно это делает исследовательский стиль С.П. Карпова образцом комплексного анализа, в котором не бывает “чужих” источников – любое свидетельство об эпохе, на каком бы языке и в какой бы форме оно ни было высказано, подвергается взвешенной и компетентной оценке.

Книга весьма объемна, интересы автора чрезвычайно разнообразны и охватывают более чем 2000-летнюю историю региона, затрагивая широкий круг антиковедческой, византинистской, медиевистической и востоковедческой проблематики. Наличие в столь сложном по структуре исследовании дискуссионных мест и формулировок вполне естественно и даже закономерно. Ниже приводится ряд замечаний, призванных уточнить некоторые из них.

Казнь Феодора Гавры ок. 1098 г. вряд ли могла быть совершена основателем Салдукидского эмирата с центром в Эрзеруме, которого предположительно звали ‘Али (с. 49–50), поскольку последний овладел Эрзерумом не ранее 1103 г., а возможно, и позже – в 1116 г.⁵

⁵ *Album S. A Checklist of Islamic Coins, Second Edition. Santa Rosa, 1998. P. 94.*

Топоним Цаниха (см. указатель) и название клана Цанихиты, происходящее от того же корня, предпочтительнее было бы передавать как Чаниха и Чанихиты соответственно; *амицантаранты* лучше передавать как *амирджандарии* (с. 169, причем *амирджандарии* вряд ли было названием рода, согласно автору, а скорее наименованием особых подразделений дворцовой гвардии). Имеет смысл пользоваться условной транскрипцией греческого “тс” (передававшего в понтийском греческом звуки “дж” и “ч”) как “ц” только для тех слов, относительно которых мы не знаем, как их произносили сами понтийские греки. В приведенных примерах исконная фонетическая форма слова вполне реконструируема – греч. *Tzanicha* от картвельского корня *chan*, греч. *amirtzantantai* от арабopersидского *amirjandar*. Эти слова понтийские греки, скорее всего, произносили через “ч” и “дж” соответственно; этой формой предпочтительнее пользоваться и при передаче на русский язык.

Топоним Герце (с. 14) следует исправить на Герзе, Карахиссар на Карахисар (с. 35, 304).

На с. 30 Ахурамазда назван “военным божеством”, в то время как Ахурамазда, являясь верховным богом зороастризма, творцом мира и человека с явственными монотеистическими чертами, вряд ли может рассматриваться как божество специфически “военное”⁶.

Рецензируемая книга – серьезная заявка на скорое появление общей истории Трапезундской империи. А именно такую стратегическую цель ставит перед собою автор, отмечая, что публикуемая книга является “введением” в “полную историю Трапезундской империи” (с. 2). Написание такого обобщающего исследования давно назрело в мировой науке. За последние почти 35 лет, прошедших со времени издания Эмилем Жансаном его истории Трапезундской империи⁷, в науке накоплен безбрежный новый материал во всех без исключения разделах средневековой истории Понтийского региона – от политической истории до искусствоведения. Ныне появление нового компетентного обобщения, которое бы учло последние достижения мировой науки, более чем желательно, и рецензируемый труд несомненно – существенный шаг в этом направлении.

Р.М. Шукуров

Demetrius Kydones. Briefe / Übers. und erläut. von Franz Tinnfeld. IV Teil (108 Briefe, Register). Stuttgart: Anton Hiersemann, 2003. 326 S. (Bibliothek der griechischen Literatur. Bd. 60).

Изданием четвертого тома завершен колоссальный труд, предпринятый немецким исследователем Францем Тиннефельдом четверть века назад: издано в переводе на немецкий язык эпистолярное наследие видного деятеля византийской политики и культуры XIV в. Димитрия Кидониса. Сам издатель начинает свое предисловие к IV тому с некоторой ностальгической нотки: “Ровно через 25 лет после начала работы этим четвертым томом завершился комментированный немецкий перевод 449 писем Кидониса”.

Все четыре тома писем Димитрия Кидониса изданы в серии “Библиотека греческой литературы” (I. 1, 2 – т. 12, 16, 1981–1982; II – т. 33, 1991; III – т. 50, 1999; IV – т. 60, 2003) и напечатаны в Штуттгарте в издательстве Антона Хирсеманна.

В IV том издания вошли 108 писем, относящихся ко времени с 1387 по 1394 г., т.е. к последнему периоду жизни эпистолографа. Весомым блоком в эпистолярном контексте IV тома являются письма к императору, одному из любимых учеников Кидониса Мануилу II Палеологу (40 писем). В томе представлены написанные в указанные годы письма эпистолографа и другим представителям дома Палеологов – императору Иоанну V (4 письма), деспоту Феодору I (2 письма), протовестиарию Феодору (2 письма), а также императрице Елене, супруге Иоанна V и матери Мануила II, тоже бывшей ученице Кидониса (1 письмо). Среди других адресатов мы встречаем знакомых по прежним томам

⁶ См., например: *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1994. С. 20, 31–33.

⁷ *Janssens E.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969.